

*Л*ИТЕРАТУРА И ИСТОРИЯ

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО ЛИСТАЯ...

Очерки о русских писателях

Алексей КОРНЕЕВ

Литература и история

Алексей Корнеев

**Страницы прошлого листая...
Очерки о русских писателях**

«ВЕЧЕ»

2023

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)

Корнеев А. В.

Страницы прошлого листая... Очерки о русских писателях /
А. В. Корнеев — «ВЕЧЕ», 2023 — (Литература и история)

ISBN 978-5-4484-8967-9

Такова особенность русской культуры и прежде всего русской литературы, что судьбы и творчество отечественных писателей и поэтов неразрывно связаны со своей эпохой и ее важнейшими явлениями, будь то политические преобразования, научные открытия или культурные веяния. Каждый из них в своем творчестве так или иначе отзывался на запросы времени, принимал или отвергал новые направления в искусстве, нередко становился во главе этих новых течений. Книга писателя и журналиста А.В. Корнеева расскажет о малоизвестных фактах жизни и творчества выдающихся мастеров русской литературы: Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Гончарова, поэта и драматурга А.К. Толстого, Чехова. Читатель познакомится с не менее интересными, но сегодня, к сожалению, забытыми русскими литераторами: В.Л. Пушкиным, Д.И. Хвостовым, Н.П. Мятлевым, К. Павловой, П.П. Ершовым, Н.П. Вагнером, Д. Минаевым, Д. Давыдовым и др. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-8967-9

© Корнеев А. В., 2023
© ВЕЧЕ, 2023

Содержание

Несколько слов к читателям	6
И суша, и моря, и огонь тебе послушны![1]	8
Внимание к наукам	8
«Под каким созвездием?..»	10
«Вдохновение нужно в геометрии...»	12
Новый Калиостро и электромагнитный телеграф	13
Вечный двигатель и электрическая цепь	15
Паровые корабли	16
Пушкин и железные дороги	17
Загадка «сказки о золотом петушке»	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Алексей Корнеев
Страницы прошлого листая...
Очерки о русских писателях

© Корнеев А.В., 2023

© ООО «Издательство «Вече», 2023

Несколько слов к читателям

– Вы доктор исторических наук или филологических? – такой вопрос впервые задали мне лет тридцать назад.

– Я историк литературы.

Отклоняя причастность к высокой ученой степени (как будто степень может прибавить знания!), могу сказать: история и литература влекли меня с детства. В восемь лет я услышал рассказ «Загадка Н.Ф.И.» с телеэкрана в исполнении Ираклия Андроникова, и хотя тогда мало что сумел понять, но несколько лет спустя у меня возникла мечта заниматься архивными разысканиями, где соединяются литература и история.

Эта мечта привела меня после окончания школы на филологический факультет – рыться в хронологической пыли архивов и библиотек. В студенческие годы начались мои первые архивные и библиографические разыскания. И продолжаются до сих пор.

Еще на первом курсе я выбрал тему, ставшую позднее курсовой и дипломной работами – творчество забытого русского поэта с двойной немецкой фамилией – Иван Гольц-Миллер, которым написана революционная песня «Как дело измены, как совесть тирана осенняя ночь черна...» – о неудавшемся побеге узника из тюрьмы. Спустя годы продолжавшиеся архивные разыскания привели к поистине фантастическому открытию – поэт-разночинец, участник освободительного движения 1860-х годов, оказался двоюродным братом великого писателя Льва Толстого – его отец был внебрачным сыном графа Ильи Андреевича Толстого.

Любовь к XIX столетию сопутствует мне всю жизнь. Много лет я пишу о литературе этого века, вспоминая или незаслуженно забытые имена, или неизвестные подробности из жизни знаменитых писателей. Повествуя о том, что знают немногие, я стремлюсь, чтобы мой рассказ не был пресным, а напротив – стал живым и выразительным. Поделиться с другими тем, что знаешь сам, и не засушить материал, рассказать интересно и увлекательно – и открыть неизвестное.

В моей последней научной работе «Осужденный на вечное безбрачие» говорится о младшей дочери Пушкина Наталии и ее муже Михаиле Дубельте. Офицер, затем генерал, награжденный за храбрость золотым оружием, он имел несчастье полюбить дочь поэта. Изучив большое число материалов в архивах Москвы и Петербурга, я постарался разобраться в горестной истории и ответить на вопрос: отчего распалась семья, в которой было трое детей, и отчего приговорен к вечному безбрачию Михаил Дубельт.

Однако не следует забывать о людях, для которых недоступны архивы.

Им адресованы очерки, составившие эту книгу – о писателях XIX века, написанные в разном ключе – и в серьезном, и в юмористическом, но одинаково интересные, не заставляющие скучать и в то же время содержащие большое число малоизвестных фактов.

Сегодня нам трудно представить Пушкина, размышляющего об астрономии или геометрии, электричестве или теории вероятностей, беседующего с изобретателем электромагнитного телеграфа, стоящего на палубе плывущего по Неве или Финскому заливу парохода или редактирующего в своем кабинете на набережной Мойки статью о железных дорогах. Однако факты убедительно свидетельствуют о том, что все эти события действительно происходили.

Яркой и короткой, подобно комете, ненадолго озарившей серое петербургское небо, была жизнь Софьи Дмитриевны Пономаревой, салон которой, возникший в Петербурге в самом начале двадцатых годов XIX столетия, был первым литературным салоном России. Там собирались писатели разных поколений и направлений – от Крылова до выпускников Царскосельского лицея, Баратынского и Рылеева. Не было только Пушкина – он находился вдали от Петербурга, в южной ссылке.

Замысел «Ревизора» Гоголю подарил Пушкин. Во многом оказался похож на Хлестакова Павел Петрович Свиньин – дипломат, журналист, писатель, художник, путешественник, он был любителем прихвастнуть и приврать и потому сделался прототипом героя комедии.

С детских лет мы знаем сказочную поэму о коньке-горбунке. Однако что нам известно об авторе чудесной сказки? Создавший «Конька-Горбунка» в восемнадцать лет, Петр Павлович Ершов прожил долгую жизнь, и хотя не оставлял пера, все же остался в истории литературы как автор сказки, ставшей поистине народной, – такова надпись на его могильном памятнике.

Очерк «Необыкновенная история о том, как поссорился Иван Александрович с Иваном Сергеевичем» рассказывает о конфликте двух знаменитых романистов – мнительный Гончаров заподозрил, что сюжеты его произведений... похищает Тургенев!

Внимательнейшим читателем романа Льва Толстого «Война и мир» был князь Петр Андреевич Вяземский. События, описываемые в романе, не могли оставить его безучастным – ведь князь был не только свидетелем, но и участником описываемых в произведении событий, об этом свидетельствуют сделанные им пометы на полях («Князь Петр Вяземский против графа Льва Толстого»).

«Папаша, кто строил эту дорогу?» На вопрос, известный со школьной скамьи по эпиграфу Некрасова к стихотворению «Железная дорога», дает ответ историческая миниатюра Валентина Пикуля, посвященная подлинному строителю железной дороги, соединившей Петербург и Москву. «Проезжая мимо Любани, каждый заметит, что в сквере станции стоит памятник Павлу Петровичу Мельникову». К сожалению, писатель не обратил внимания на развалины по другую сторону железнодорожного полотна – это были останки храма, построенного Мельниковым как памятник строителям Петербурго-Московской дороги. Автору этих строк довелось первым поднять в печати вопрос о необходимости восстановления храма-памятника и дополнить новеллу Пикуля.

«До сих пор многие думают, что Чехов не испытал большого чувства. Так думал когда-то и я. Теперь же я твердо скажу: испытал! Испытал к Лидии Алексеевне Авиловой». Так писал И.А. Бунин, прочитав воспоминания писательницы Л.А. Авиловой «Чехов в моей жизни». Об этой любви никто не знал, хотя романические отношения продолжались десять лет...

Я назвал героев только нескольких очерков, вошедших в эту книгу. Раскройте ее, и вы узнаете еще много интересного и увлекательного.

А.В. Корнеев

И суша, и моря, и огонь тебе послушны!¹

Внимание к наукам

О, сколько нам открытий чудных
Готовит просвещенья дух —
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель, —

писал А.С. Пушкин. Это стихотворение в свое время высоко оценил президент Академии наук СССР выдающийся физик С.И. Вавилов, назвав «гениальным по своей глубине и значению для ученого» и отметив, что «каждая строка в нем свидетельствует о проникновенном понимании Пушкиным методов научного творчества».

Знаменитый историк литературы академик М.П. Алексеев писал об этом кратком произведении: «Несомненно, что мы имеем здесь дело с попыткой Пушкина дать обобщенное представление о научно-творческом процессе, об условиях, определяющих его успех, о предвидимых и неожиданных результатах научных исканий, о роли закономерностей и случайностей в истории научных открытий. И все же основной, определяющей мыслью всего стихотворения, удивительного по силе лаконизма, является вера в могущество разума, уверенность в том, что грядущие чудные открытия неисчислимы, обеспеченные умом и трудом».

В этих пушкинских строках как в зеркале отразился и глубокий интерес великого поэта к науке, ее развитию и новым открытиям. В высшей степени несправедливо было бы считать, что он интересовался лишь тем, что имело отношение к изящной словесности или искусству. Круг его интересов был поразительно широк. Не случайно друзья Пушкина восторгались его уникальными восприимчивостью и памятью, способными осознать и сохранить все то, что когда-либо попадало в диапазон внимания поэта. «Природа, кроме поэтического таланта, наградила его изумительной памятью и пронизательностью, — писал П.А. Плетнев. — Ни одно чтение, ни один разговор, ни одна минута размышления не пропадали для него на целую жизнь».

В рукописных сборниках сохранилось любопытное стихотворение «Цель нашей жизни», приписываемое юному Пушкину и датированное 1814 годом (в том году учащиеся Царско-сельского лицея по заданию профессора Н.Ф. Кошанского писали сочинения в прозе или стихах на тему «О цели жизни человеческой»). В стихотворении говорится о могуществе человека и его власти над стихиями:

...Природа вся тебе приносит дань:
И суша, и моря, и огонь тебе послушны,
Ты отражаешь гром, ты движешь океан,
Ныряешь в пропасти воздушны.

Годы жизни Пушкина были ознаменованы стремительным развитием научной мысли, ее замечательными достижениями в самых различных областях знаний. Все русские журналы того времени регулярно публиковали статьи о новых достижениях науки и техники. Присталь-

¹ Во время работы над этой главой автор пользовался книгой: Алексеев М.П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л.: Наука, 1972.

ное внимание к наукам – не только гуманитарным, но и точным, и даже к их применению в технике сопутствовало поэту до самой смерти. Начав издавать в последний год жизни журнал «Современник», он уделял значительное внимание публикации на его страницах статей о различных областях знаний.

«Под каким созвездием?..»

Как известно, в Царскосельском лицее не преподавали даже основ астрономии. Далеко не каждый образованный человек того времени мог знать расположение планет Солнечной системы и помнить, что Меркурий близок к Солнцу, а Сатурн отдален от него.

Однако в незавершенном стихотворении, которое принято датировать 1825 годом, Пушкин, размышляя о судьбе лирического героя, писал:

Под каким созвездием,
Под какой планетою
Ты родился, юноша?
Ближнего Меркурия
Иль Сатурна дальнего?

В альманахе, названном именем музы астрономии – «Урания», вышедшем в преддверии 1826 года, увидела свет остроумная эпиграмма Пушкина:

Движение

«Движенья нет», – сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить.
Хвалили все ответ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой ответ на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей.

Столетие спустя в научном журнале «Мироведение» астроном Н. Кузнецов посвятил статью, озаглавленную «Вечерняя звезда в одном стихотворении Пушкина», пушкинской элегии, начинавшейся строками:

Редает облаков летучая гряда.
Звезда печальная, вечерняя звезда,
Твой луч осеребрил увядшие равнины...

Поэт принимает вечернюю звезду за «знакомое светило» – Венеру, которая напомнила ему о пребывании в Крыму:

Я помню твой восход, знакомое светило,
Над мирною страной, где все так сердцу мило,
Где стройны тополи в долинах вознеслись,
Где дремлет нежный мирт и темный кипарис,
И сладостно шумят полуденные волны.

Как установил астроном, Пушкин ошибался: в имени Каменка будущего декабриста В.Л. Давыдова, где была написана элегия «Редает облаков летучая гряда...», он не мог видеть на вечернем небе Венеру – она восходила над горизонтом там лишь в три часа ночи. Внимание

поэта привлек Юпитер или Сатурн. «Таким образом, – заключает Н. Кузнецов в своей статье, – Пушкин хотя и ошибся, приняв одну из этих планет (вероятно, Юпитер, как более яркую) за Венеру, но все же проявил незаурядную наблюдательность, признав в случайно проглянувшей из-за облаков звезде планету».

«Вдохновение нужно в геометрии...»

Вспомнив изречение знаменитого французского математика и физика Б. Паскаля «Все, что превышает геометрию, превышает нас», Пушкин замечает: «Вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии». Незадолго до того, как эти пушкинские строки были напечатаны в альманахе «Северные цветы», вышедшем в Петербурге накануне 1828 года, в Казанском университете профессор Н.И. Лобачевский произнес речь (по сути дела научный доклад) о воображаемой геометрии, которую позднее назовут его именем.

Пушкин не был знаком с Лобачевским. Хотя в сентябре 1833 года, готовясь к написанию «Истории Пугачева», в поездке по пугачевским местам Александр Сергеевич и посетил Казань, но пробыл там лишь три дня и не виделся с великим геометром. (В книге М.С. Колесникова «Лобачевский» (ЖЗЛ) говорится о встрече и беседе Лобачевского с Пушкиным, в которой великий математик рассказывает великому поэту о воображаемой геометрии. Не желая вводить читателей в заблуждение, следует признать, что этот эпизод – авторский вымысел.) Но у них было немало общих знакомых, а поэт И.Е. Великопольский, с которым Пушкин обменивался стихотворными посланиями и который адресовал стихи Лобачевскому, был женат на сестре последнего. Бесспорно, знакомство двух гениев – поэзии и математики состоялось бы и было крайне интересно для обоих, если бы один из них пробыл бы подольше в Казани, где другой возглавлял университет.

Пушкин действительно интересовался геометрией. Об этом свидетельствует его рисунок, датированный 1835 годом, состоящий из геометрических фигур: треугольника, круга, внутри которого четырехугольник, разбитый на три треугольника. Этот рисунок связан со знаменитой задачей древности, названной квадратурой круга, – построить квадрат, равновеликий данному кругу, которую тщетно пытались решить на протяжении многих столетий. Согласно пушкинскому замыслу, найти решение этой задачи стремился ученый монах Бертольд – герой его незавершенной пьесы, названной позднейшими исследователями «Сцены из рыцарских времен» (подробнее о нем будет рассказано ниже).

Новый Калиостро и электромагнитный телеграф

В годы юности Пушкина слово «телеграф» уже знали в России, но означало оно совсем иное, чем мы понимаем теперь. Тогда имелся в виду оптический семафорный телеграф, изобретенный в 90-е годы XVIII века одновременно в России И.П. Кулибиным и во Франции Клодом Шаппом. В середине 20-х годов XIX столетия слово «телеграф» получило широкое распространение в нашей стране благодаря журналу «Московский телеграф», который начал выходить в 1825 году и быстро обрел популярность. Однако его издатель Н.А. Полевой, давая название своему журналу, также имел в виду семафорный телеграф – на обложке первого журнального номера была помещена картинка, изображавшая башню с передающим семафорным устройством, стоящую на высоком холме на берегу озера.

Еще в лицее Пушкин узнал имя ученого и изобретателя Павла Львовича Шиллинга, который был дружен с В.А. Жуковским, К.Н. Батюшковым, П.А. Вяземским и другими писателями старшего поколения. Человек энциклопедических знаний и разносторонних интересов, Шиллинг уже при жизни заслужил славу нового Калиостро. Он первым осуществил электрическое взрывание подводных мин, проводил опыты по зажиганию пороха под землей на большом расстоянии, а до этого основал первую в России литографию, пробным изданием которой стала поэма «Опасный сосед», написанная Василием Львовичем Пушкиным – дядюшкой Александра Сергеевича.

С этим удивительным человеком познакомился в 1818 году Пушкин. 19 ноября они вместе с Н.И. Гнедичем, В.А. Жуковским, А.И. Тургеневым, будущим декабристом М.С. Луниным ездили в Царское Село, провожая уезжавшего в Италию К.Н. Батюшкова. Знакомство их возобновилось по возвращении Пушкина из ссылки в Петербург. Они встречались у Карамзиных, ездили в Кронштадт.

В конце 1829 года Шиллинг готовится к экспедиции в Восточную Сибирь и Китай. Вместе с ним ехать в дальние края мечтает и поэт:

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать...

Однако на его просьбу участвовать в экспедиции Николай I отвечает отказом.

Возвратясь из дальних странствий в Петербург в марте 1832 года, Павел Львович продолжил работу над главным изобретением своей жизни. Еще в 1829 году один из его друзей писал: «Шиллинг изобрел новый образ телеграфа. Посредством электрического тока, проводимого по проволокам, растянутым между двумя пунктами, он производит знаки, коих комбинации составляют алфавит, слова, речения и так далее. Это кажется маловажным, но со временем и усовершенствованием оно заменит наши теперешние телеграфы, которые при туманной погоде или когда сон нападает на телеграфщиков, что так же часто, как туманы, делаются немymi».

9 октября 1832 года Шиллинг впервые испытал электромагнитный телеграфный аппарат в действии. Испытание проходило в доме, где жил Павел Львович – в Петербурге на Царицыном лугу, позднее названном Марсовым полем (ныне на этом доме установлена мемориальная доска). Пятикомнатная квартира изобретателя оказалась мала для испытания телеграфа, и Шиллинг нанял весь верхний этаж. Передающий аппарат находился в одном конце здания, в небольшом зале, где собрались приглашенные на испытание, а приемник – в другом, в рабочем кабинете Шиллинга. Протяженность телеграфной линии составляла 10 метров. Первая в мире телеграмма, состоявшая из десяти слов, была передана и принята моментально и точно.

Во время этого испытания Пушкина не было в Петербурге – он находился в Москве (куда ездил в поисках сотрудников и материалов для будущей газеты «Дневник», издание которой не состоялось) и вернулся в середине октября. Однако это вовсе не означает, что он не смог увидеть действие электромагнитного телеграфа. Интерес общества к новому изобретению был настолько велик, что повторные публичные показы работы телеграфа, о которых говорил весь Петербург, не прекращались до рождественских праздников. Ясно, что Пушкин не мог не заинтересоваться новым изобретением, автором которого был его близкий знакомый, тем более учитывая, что Александр Сергеевич готовился издавать газету, в которой наряду с другими известиями предполагалось сообщать и о новостях науки.

Вечный двигатель и электрическая цепь

Другим выдающимся изобретателем того времени был знаменитый физик и будущий академик Б.С. Якоби. В 1834 году в петербургских журналах под интригующим заглавием «Новая машина для непрерывного кругообращения» появилось сообщение об изобретенном им первом в мире электродвигателе, названном склонными к сенсационным преувеличениям журналистами «электромагнитным *perpetuum mobile*». Пушкин не мог не знать об этом изобретении – хотя бы потому, что Б.С. Якоби был близко знаком с П.Л. Шиллингом, который одним из первых понял колоссальную важность электродвигателя и его значение для будущего.

В 1835 году Александром Сергеевичем была написана оставшаяся незавершенной пьеса, названная позднейшими исследователями «Сцены из рыцарских времен». В ней есть крайне интересный эпизод: разговор бескорыстного искателя истины ученого монаха Бертольда, занимающегося алхимией, и корыстолюбивого коммерсанта Мартына, финансирующего его исследования в надежде, что тот откроет способ делать золото. На вопрос Мартына: «Ну, а если опыт твой удастся, и у тебя будет и золота, и славы довольно, будешь ли ты спокойно наслаждаться жизнью?», Бертольд отвечает: «Займусь еще одним исследованием: мне кажется, есть средства открыть *perpetuum mobile*». (Согласно первоначальному варианту, Бертольд хотел решить знаменитую задачу древности, названную квадратурой круга.)

На полях листка, где написан первоначальный черновой вариант, рукой Пушкина набросаны любопытные рисунки, связанные с замыслом произведения. Один из них, бесспорно, связан с квадратурой круга и состоит из геометрических фигур (о нем мы уже говорили выше). Другой рисунок кажется более загадочным и представляет собой, по описаниям пушкинистов, «нечто вроде частей машины» – рядом пушкинской рукой написано «*perpetuum mobile*».

Загадку этого рисунка раскрыл академик М.П. Алексеев. Как он предположил, загадочный рисунок напоминает модель описанного в журнале электродвигателя, а расходящиеся от рисунка линии представляют собой схематическое изображение возникающих электрических разрядов.

Согласно другой сюжетной линии «Сцен из рыцарских времен», молодой поэт Франц поднимает восстание крестьян и попадает в темницу. Надменный граф Ротенфельд высокопарно заявляет: «Он до тех пор из нее не выйдет, пока стены замка моего не подымутся на воздух и не разлетятся». Однако, как свидетельствует план пьесы, именно так и происходит в дальнейшем. Бертольд, также заточенный в тюрьму, изобретает в заключении порох, от взрыва которого рушатся стены замка и темницы, а граф Ротенфельд погибает, сраженный пулей. Как полагают пушкинисты, под именем Бертольда Пушкин изобразил полупоупендарного средневекового ученого Бертольда Шварца, которому предание приписывает изобретение пороха. Быть может, эпизод взрыва замка порохом был подсказан Пушкину тем обстоятельством, что в то время, когда он писал пьесу, его знакомец Шиллинг производил в Петербурге опыты взрыва пороха посредством электричества.

Электричество... Это слово прочно вошло в лексикон людей пушкинской эпохи. Яркой особенностью того времени стало употребление его людьми, весьма отдаленными от техники.

В одной из заметок, составивших большой цикл «Опровержение на критики», Пушкин, анализируя фразу «Я не могу вам позволить начать писать стихи», замечает: «Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю эту цепь глаголов и отозваться в существительном». Согласитесь, выражения «электрическая сила», «отрицательная частица», «пройти сквозь цепь», употребленные Пушкиным, вполне характерны для научного труда по электротехнике.

Паровые корабли

Ранее, чем в Европе, пароходы появились в Америке. Их изобретатель Р. Фултон, непонятый и непризнанный Наполеоном, покинул Францию и уехал в Северо-Американские Штаты. Одним из первых европейцев пароходы, плававшие по Гудзону и Миссисипи, увидел дипломат и писатель П.П. Свинын и описал в своем очерке, напечатанном в 1814 году в журнале «Сын Отечества». Еще в юности Пушкин читал в журналах о строящихся паровых судах и видел на Неве первые пароходы. Правда, само слово «пароход» не сразу вошло в русский язык – сначала его заменяло английское «стимбот». В 1815 году журнал «Сын Отечества» писал: «Мы в нынешнем году увидим, может быть, стимбот, плавающий из Санкт-Петербурга в Кронштадт». В августе того же года на Неве появилось первое паровое судно – паровая машина была вделана в обычный деревянный бот. В том же году пароход «Елизавета» стал совершать рейсы между Петербургом и Кронштадтом.

Постепенно пароходное сообщение прочно вошло в жизнь петербуржцев. Когда Пушкин в 1827 году вернулся в Петербург после семилетнего отсутствия, «паровые корабли», о которых он читал в журналах в михайловской ссылке, во множестве бороздили воды Невы и Финского залива. Современник Пушкина литератор А.В. Никитенко писал в своем дневнике: «Изобретение парохода – одно из чудес нашего века. Стоя на палубе, спокойно сидя в каюте, вы с невероятною быстротою, почти незаметно переноситесь вдаль – так ровен ход судна, до такой степени двигающая его сила подавляет колебание волн. Один только шум колеса, которое быстро вращается под действием пара и как плуг взрывает водную равнину, нарушая тишину».

Другой литератор, Ф.В. Булгарин, в статье «Поездка в Кронштадт 1 мая 1826 года», написанной в форме письма поэту Н.И. Гнедичу, писал: «Догадаетесь ли вы, о чем я думал, стоя на пароходе и прислушиваясь к шуму паровой машины? Кто знает, как высоко поднимутся науки через сто лет, если они будут возвышаться в той же соразмерности, как доселе! Быть может, мои внуки будут на какой-нибудь машине скакать в галоп по волнам из Петербурга в Кронштадт и возвращаться по воздуху. Все это я вправе предполагать, сидя на машине, изобретенной в мое время, будучи отделен железною бляхою от огня, а доскою от воды; на машине, покорившей огнем две противоположные стихии: воду и воздух или ветер! Вот о чем я думал, прислушиваясь к шуму паровой машины».

На смену слову «стимбот» пришли два других, некоторое время употреблявшиеся наравне одно с другим: русское «пароход» и иностранное «пироскаф», встречавшееся в итальянском и французском языках. Оба эти слова можно встретить в дневнике Пушкина – в 20–30-е годы поэт не раз совершал поездки из Петербурга в Кронштадт, провожая знакомых, уезжавших за границу морем. Так, почти одновременно, с разницей в несколько дней, он записывал: «Еду на пироскафе провожать Вьельгорского» и «26 мая был я на пароходе и провожал Мещерских, отправлявшихся в Италию». А вот о каком интересном замысле мы узнаем из письма друга Пушкина П.А. Вяземского: «Смерть как хочется отправиться в Лондон на пироскафе! Вчера мы были у Жуковского и сговорились пуститься на этот европейский набег: Пушкин, Крылов, Грибоедов и я». Но шутивное намерение четырех поэтов отправиться «по балтийским волнам» в столицу Туманного Альбиона не осуществилось...

Слово «пироскаф» встречается у Пушкина и в незавершенном прозаическом отрывке, написанном в 1830 году и начинающемся словами «Участь моя решена. Я женюсь»: «Если мне откажут, думал я, поеду в чужие края, – и уже воображал себя на пироскафе... Пироскаф тронулся – морской свежий воздух веет мне в лицо; я долго смотрю на убегающий берег».

Пушкин и железные дороги

Вскоре после того, как в России появились первые пароходы, в русском обществе стал оживленно обсуждаться вопрос о необходимости строительства железных дорог, которые соединят важнейшие промышленные и культурные центры страны.

За свою не очень долгую жизнь Пушкин много раз странствовал по необъятным просторам России и испытал все невзгоды российского бездорожья. Он страстно мечтал, что в будущем

...Дороги, верно,
У нас изменятся безмерно.
Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут.
Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой,
Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды.

В тридцатые годы XIX века в русском обществе оживленно обсуждался вопрос: стоит ли строить железные дороги в России? В нескольких странах Европы и в Северной Америке они уже существовали. Но приемлемы ли стальные магистрали для России с ее необъятными просторами и суровыми морозами? Их строительство требовало огромных расходов, и было неизвестно, оправдаются ли колоссальные затраты.

Жаркие споры по этому актуальнейшему вопросу начала статья молодого талантливого ученого, профессора физики Петербургского университета Н.П. Щеглова, напечатанная в газете «Северный муравей» в начале 1830 года, которая так и называлась – «О железных дорогах». Такого яркого, решительного, убежденного призыва к строительству железных дорог в страдавшей от бездорожья огромной стране в русской печати еще не появлялось. За статьей Н.П. Щеглова последовали и публикации других авторов в защиту строительства стальных магистралей. Вопрос становился все более актуальным. О железных дорогах читались публичные лекции, в журналах и газетах печатались статьи, издавались книги и брошюры.

Однако находились не только сторонники, но и противники нового вида транспорта. Так в 1835 году вышла статья «Об устройении железных дорог в России». Ее автором был некий Наркиз Отрешков, считавший себя авторитетом в вопросах экономики, посредственный литератор и ловкий предприниматель, близкий к тайной полиции и связанный с реакционными журналистами Ф. Булгариным и Н. Гречем. Благодаря им его статья получила широкий резонанс – сначала она была опубликована в двух номерах издаваемого ими журнала «Сын Отечества и Северный архив», затем была напечатана отдельной брошюрой в типографии Греча и, наконец, в пяти номерах самой читаемой газеты того времени «Северная пчела», издаваемой, опять же, Булгариным и Гречем, появился ее обстоятельнейший и крайне благосклонный разбор.

Не желая прослыть ретроградом, в самом начале статьи автор заявлял: «Я более чем кто-либо признаю важность этого нового способа сообщения; более чем кто-либо благоговею перед оказываемыми им последствиями; одним словом, я пламенный поборник железных дорог. Притом я вполне сознаю полезность улучшения путей сообщения в России, искренно убежден в благотворности имеющих произойти от того последствий. Одним словом, я совершенно уверен, что употребление на этот предмет самых огромных капиталов принесет непосредственную и прямую пользу Отечеству».

Только что объявив себя «пламенным поборником железных дорог», Отрешков вопреки логике сразу же приходил к прямо противоположному суждению, выделив главную мысль статьи курсивом: «С тем вместе не могу не сознать, что предполагаемое ныне на великом пространстве устройство железных дорог в России совершенно невозможно, очевидно бесполезно и крайне невыгодно».

Обосновать свое мнение автор пытался экономическими расчетами, утверждая, что сооружение железной дороги между Петербургом и Москвой принесло бы «ежегодного чистого и неперменного убытку до 23 300 000 рублей ассигнациями».

Завершалась статья таким итогом: «Изложив все сие в подробности и с числовыми доказательствами, кажется, можно сказать утвердительно, что устройство железной дороги между С.-Петербургом и Москвою совершенно невозможно, очевидно бесполезно и крайне невыгодно».

Пройдет шесть лет, и Отрешков горько пожалеет о своем категорическом выводе, ставшем достоянием широкой гласности – в начале февраля 1842 года будет опубликован высочайший указ о строительстве железной дороги, призванной соединить две столицы, полностью опровергавший все его доводы.

Неудивительно, что после рекламы самой читаемой газеты на сочинение Отрешкова обратили внимание. Развернутая рецензия в журнале «Библиотека для чтения» носила отрицательный характер и язвительно высмеивала Отрешкова: «Автор, по известным ему причинам, предписал себе бесконечно полезную цель – доказать совершенную невозможность существования железных дорог в России. В брошюре не находим ничего, кроме избитых возражений вечных противников предмета; возгласов, не помешавших ни одной дороге устроиться и приносить пользу; старых умствований тех мужей, которые во всем видят одни препятствия и не имеют ни той деятельности ума, ни той силы гения, которые, встретив преграды, создают вдруг новые пути к успеху, заставляют способы множиться под рукой и со славою преодолевают все сопротивления».

Чтобы доказывать невозможность железной дороги в данной местности, само приличие требует быть практическим инженером и механиком по этой части, видеть все железные дороги в подлиннике, изучить все способы применения их к различным местоположениям, обозреть трудности побежденные и непобежденные, и удостовериться, что за этими пределами нет уже поприща для гения механики, что здесь геркулесовы столбы изобретательности ума человеческого... Автор, без всяких данных опыта и тщательного изучения предмета... сочиняет себе мрачные предчувствия и с удивительною самонадеянностью подвергает их арифметической оценке... Смешно было бы даже опровергать подобные грезы, и если есть чему подивиться, так это важности, с которою почтенная брошюра приступает к вычислениям всех подробностей предмета, известного ей только понаслышке».

* * *

Год спустя после выхода сочинения «Об устройении железных дорог в России», когда А.С. Пушкин издавал журнал «Современник», В.Ф. Одоевский предложил ему для публикации в журнале критическую статью молодого профессора Института корпуса инженеров путей сообщения, энтузиаста технического прогресса М.С. Волкова. Тот высмеивал сочинение Отрешкова и полнейшую некомпетентность автора в вопросах, о которых он брался судить, – суть статьи выражал взятый к ней эпиграф, представлявший строку из басни «Щука и кот» И.А. Крылова: «Беда, коль пироги начнет печи сапожник».

Прочитанная в рукописи статья Волкова была высоко оценена Пушкиным. Он писал Одоевскому: «Статья г. Волкова в самом деле очень замечательна, дельно и умно написана».

и занимательна для всякого... Статья Волкова писана живо, остро. Отрешков отделан очень смешно...»

Об авторе статьи, которая вызвала живейший интерес Пушкина, следует сказать подробнее. Матвей Степанович Волков (1802–1878) окончил Институт корпуса путей сообщения в 1821 году, как лучший в выпуске был оставлен при институте и через несколько лет стал профессором этого института. Энтузиаст технического прогресса, придававший огромное значение развитию железных дорог, он в 1835–1836 учебном году включил в программу своего курса «Строительное искусство» большой раздел о железных дорогах. Позднее Волков напишет: «По моему мнению, в истории будут отныне две величайшие эпохи преобразования общества: это введение христианства и введение железных дорог». Волков был разносторонним ученым: в 1840-е гг. он поместил в журнале «Отечественные записки» капитальный труд «О музыкальных гаммах» (интерес к музыке сближал его с В.Ф. Одоевским), а также ряд статей о физиологии человеческого мозга. Уже в XX веке он будет назван «замечательным русским экономистом XIX века» и «писателем, которому современность до сих пор не воздала должного».

Служебная деятельность Волкова проходила успешно – в 1843 году он был профессором строительного искусства в чине полковника. Подготовив новый курс строительного искусства, он предполагал выпустить его отдельным изданием. Однако назначение печально известного реакционного деятеля графа П.А. Клейнмихеля в августе 1842 г. новым начальником Главного управления путей сообщения помешало этому и привело к конфликту между ними, в результате чего Волков вынужден был подать в отставку.

* * *

Внимательное чтение статьи М.С. Волкова сделало Пушкина участником оживленного спора о железных дорогах России и привело его к ряду интересных соображений, высказанных в том же письме Одоевскому.

Первое суждение касалось экономических проблем: «Дорога (железная) из Москвы в Нижний Новгород еще была бы нужнее дороги из Москвы в Петербург, и мое мнение было бы – с нее и начать...» Высказывая эту мысль, Пушкин понимал, что подобным образом торговый и промышленный центр России – Москва соединилась бы с портом на Волге, где прибывшие по железной дороге грузы могли бы перемещаться на речные суда для дальнейшей перевозки по воде, что значительно ускорило бы их доставку.

Другое соображение Пушкина имело отношение к вопросам условий труда при будущей эксплуатации железных дорог: «Некоторые возражения противу проекта неоспоримы. Например: о заносе снега. Для сего должна быть выдумана новая машина... О высылке народа или о найме работников для сметания снега нечего и думать: это нелепость».

Следует отметить, что техническое приспособление, предназначенное для подобных целей, в то время уже было известно. Так, газета «Северная пчела» 29 июля 1836 года, извещая читателей о строительстве первой железной дороги России, призванной соединить Петербург с Царским Селом и Павловском, сообщала: «Каждая паровая машина будет снабжена снарядами для скалывания с шин намерзнувшего льда вместе с снегом с дороги. Этот снаряд, находящийся перед колесами передней машины, служит и к тому, чтобы устранять с дороги камни и другие предметы, которые могут попасть в шины».

(Поясним, что под «паровой машиной» здесь подразумевался локомотив, который еще совсем недавно в той же газете именовался «сухопутным пароходом», а вскоре на тех же страницах обретет название «паровоз», под которым и получит известность. Так, 25 апреля, сообщая о паровозе, построенном умельцами Черепановыми, «Северная пчела» писала: «У нас есть свои машинисты, на наших заводах строятся сухопутные пароходы». А 30 сентября та же газета

напишет: «Немедленно по прибытии паровых машин (locomotives), которые для отличия от водяных паровозов можно было бы назвать паровозами, последуют опыты употребления их».)

Добавим, что название «паровоз» прижилось не сразу. Недаром несколько лет спустя поэт Н.В. Кукольник напишет в «Попутной песне», известной и теперь благодаря чудесной музыке М.И. Глинки:

Дым столбом, кипит, дымится паровоз...
Веселится и ликует весь народ,
И быстрее, шибче воли,
Поезд мчится в чистом поле.

* * *

Но русские зимы, отличавшиеся метелями и обильными снегопадами, для борьбы со снежными заносами требовали, как и писал Пушкин, специальной мощной машины, которая возникнет позднее и получит название «снегоочиститель».

Без малого тридцать лет спустя после написания пушкинского письма Одоевскому, подготавливая его для опубликования в журнале «Русский архив», издатель последнего П.И. Бартенев попросит снабдить публикацию комментарием Ф.В. Чижова – литератора, автора воспоминаний о Н.В. Гоголе, бывшего видным специалистом в вопросах железнодорожного строительства. Чижов будет поражен суждением Пушкина и напишет в комментарии: «Когда Пушкин писал это письмо, железных дорог было еще весьма мало... – и, перечислив существовавшие уже тогда немногочисленные стальные магистрали в разных странах как Европы, так и Америки, подчеркнет: – Снегоочистителя тогда, когда писал Пушкин, не было и в помине, да и теперь он не на всех железных дорогах».

Письмо Пушкина Одоевскому впервые опубликовано в 1864 году; при этом фамилия Отрешкова сокращена до инициала О. по вполне понятной причине: ее обладатель был еще жив – в редакционном примечании он назван «сочинитель нелепой статьи против железных дорог».

* * *

Вполне возможно, что имя профессора Института путей сообщения М.С. Волкова Пушкин слышал и ранее, за несколько лет до чтения его статьи. Дело в том, что в начале 1830-х годов лекции Волкова слушал молодой инженерный офицер Андрей Иванович Дельви́г (1813–1887) – двоюродный брат поэта, ближайшего друга Пушкина (впоследствии инженер-генерал, главный инспектор частных железных дорог, управляющий Министерством путей сообщения). Александр Сергеевич хорошо знал его, часто встречая в доме лицейского друга, где тот подолгу жил, и относился к нему с большой симпатией.

В своих мемуарах, написанных много десятилетий спустя, воскрешая в памяти дни молодости, А.И. Дельви́г описывает своих товарищей по офицерским классам института, сверстников и сокурсников, таких же молодых инженерных офицеров, их скромный быт и, в частности, игру в карты, приводившую порой к значительным проигрышам – эти воспоминания, воссоздающие атмосферу того времени, могли бы стать прекрасным комментарием к повести Пушкина «Пиковая дама». Изучение этих воспоминаний позволило известному пушкинисту академику М.П. Алексееву сделать вывод о главном герое повести: «Следует, по-видимому, прийти к заключению, что в лице Германа Пушкин изобразил... инженера Корпуса путей сообщения, или, что еще более вероятно, слушателя офицерских классов Института путей сообщ-

щения; между прочим, обучавшиеся в этих классах подпоручики и прапорщики имели право жить на частных квартирах и пользовались относительной свободой».

Приходится сожалеть, что Одоевским и Пушкиным осталась незамеченной книга «О железных дорогах», вышедшая в Петербурге через месяц после брошюры Отрешкова и написанная другим молодым профессором Института путей сообщения и энтузиастом технического прогресса, Павлом Петровичем Мельниковым (1804–1880). Не вступая в прямую полемику с Отрешковым, он убедительно доказывал в своей книге целесообразность и полезность нового вида транспорта.

«В 1835 году я издал небольшое сочинение “О железных дорогах”, – напишет Мельников много лет спустя, – первое об этом предмете на русском языке, так что вынужден был придумывать номенклатуру многих технических слов, которые и поныне сохранились в технике инженеров». Так, в частности, им был предложен хорошо известный и теперь не только специалистам термин «стрелка», означающий «устройство на рельсовых путях, служащее для перевода подвижного состава с одного пути на другой».

Забегая вперед, следует сказать: именно Мельникову предстоит в конце 1841 года стать оппонентом Отрешкова и в личной беседе убедить Николая I в возможности и целесообразности сооружения железной дороги, которая свяжет Петербург и Москву, потом быть ее строителем, а затем сделаться первым министром путей сообщения России и приложить много сил для прокладки новых железнодорожных магистралей в родном отечестве.

А потом Мельниковы породнятся с Пушкиными. Сам Павел Петрович Мельников детей не имел. Его любимая племянница Варвара Алексеевна, отец которой, также инженер корпуса путей сообщения, был строителем железной дороги Петербург – Вильно, станет женой сына поэта Григория Александровича Пушкина, Обвенчаются они в старинной церкви в Вильно, где за полтора года до этого крестил прадеда поэта Ганнибала Петр I, и будут жить в родовом имении Михайловском.

* * *

В 1836 году, когда Пушкин готовил статью Волкова для публикации в «Современнике», решено было построить первую в России железную дорогу между Петербургом, Царским Селом и Павловском – опыт ее эксплуатации должен был доказать, целесообразно ли строить подобные дороги в России. Возглавил строительство профессор Венского политехнического университета Ф.А. Герстнер, изучавший сооружение железных дорог в Англии. В своей брошюре, имевшей название «О выгодах построения железной дороги из Санкт-Петербурга в Царское Село и Павловск, высочайше привилегированною его императорским величеством компаниею», Герстнер расписывал, какие преимущества и удобства принесет для жителей Петербурга сооружение нового вида транспорта, которое позволит быстро и комфортабельно перенестись из душного города на лоно природы, в живописные дачные места.

Строительство первой в России железной дороги было начато 1 мая 1836 года, а в сентябре уже произведены первые опыты движения между Царским Селом и Павловском. Поначалу оно проводилось на конной тяге, так как доставка паровозов задерживалась. Интересно отметить, что, сообщая об этих поездках, газеты называли поезд «обозом», а вагоны «повозками». Эти поездки производились тогда, когда Пушкин читал рукопись статьи Волкова.

В первых числах января нового, 1837 года лошадей уже сменили паровозы.

* * *

Девять месяцев спустя после гибели Пушкина – 30 октября 1837 года (по старому стилю) – была открыта железная дорога между Петербургом, Царским Селом и Павловском.

Составлявшая немногим более 20 километров, это была самая первая стальная магистраль в необъятной России.

В ее торжественном открытии приняли участие приглашенные сановники, дипломаты, ученые, писатели, художники. Не приходится сомневаться, что в их числе был бы и первый поэт России, если бы дожил до этого события. В 12 часов 30 минут поезд, которым управлял сам Герстнер, отошел от платформы Петербургской станции и преодолел расстояние до Царского Села в 21,5 версты за 35 минут, встреченный громкими аплодисментами и приветственными возгласами. После торжественного банкета поезд, который по-прежнему вел Герстнер, отправился в обратный путь и прошел его за 27 минут, развивая на отдельных участках небывалую по тем временам скорость.

«Шестьдесят верст в час – страшно подумать! По версте за минуту! – с восторгом писал корреспондент газеты “Санкт-Петербургские ведомости”, также принимавший участие в поездке. – Между тем вы сидите спокойно, вы не замечаете этой быстроты, ужасающей воображение, только ветер свистит, только конь пышет огненную пеною, оставляя за собою белое облако пара. Какая же сила несет все эти огромные экипажи с быстротою ветра в пустыне; какая сила уничтожает пространство, поглощает время? Эта сила – ум человеческий!»

А вот как описывал свое впечатление о поездке по первой железной дороге писатель И.Т. Калашников: «Часто езджу я в Царское Село, где мой сын учится в лицее, по железной дороге. Удивительное изобретение! Представьте 12 экипажей, из которых каждый соединен из трех карет – больших восьмиместных. Таким образом, в каждом экипаже сидит 24 человека, а во всех – 288 человек. Вся эта страшная масса – этот сухопутный корабль – летит до Царского Села (20 верст) едва полчаса. Вы едва успеваете сесть – уже на месте! Между тем огненный конь пускает клубами дым, который расстилается величественным бесконечным флюгером. В ночное время этот дым освещается пламенем машины, и часто сыплются искры. Удивительная картина! Никак не можешь к ней привыкнуть – совершенное волшебство!»

Приходится горько сожалеть о том, что Пушкину не суждено было увидеть это чудо технического прогресса, которым так восхищались его современники, и воспеть его в стихах. Это сделал позднее его друг П.А. Вяземский:

Сказку быль опередила
В наши опытные дни:
Огнедышащая сила
Силам адовым сродни,
Нас уносит беспрерывно
Сквозь ущелья и леса,
Совершая с нами дивно
Баснословья чудеса.
И меня мчит ночью темной
Змий – не змий и конь – не конь,
Зверь чудовищно огромный,
Весь он пар и весь огонь.
Он летит неукротимо.
Пролетит – и нет следа.
И как тени мчатся мимо
Горы, села, города.
От него как от пожара
Ночь вся заревом горит,
И сквозь мглу как Божья кара
Громоносный он летит.

Зверю бесконечной раскаленной снедью
Раскаленный уголь дан.
Грудь его обита медью,
Голова – кипучий чан.
Род кометы быстротечной
По пространностям земным,
Хвост его многоколечный
Длинно тянется за ним...

Всего несколько месяцев не дожид Пушкин до открытия первой железной дороги в России. Однако до последних дней жизни он продолжал интересоваться новым видом транспорта, предвидя его великое будущее. Вечером, накануне роковой дуэли, Александр Сергеевич просил П.А. Вяземского написать их общему знакомому – талантливому популяризатору науки П.Б. Козловскому, интереснейшая статья которого о теории вероятностей незадолго до этого была опубликована в «Современнике», и поторопить его с присылкой новой статьи для журнала. Называлась эта статья так: «Краткое начертание теории паровых машин».

Загадка «сказки о золотом петушке»

Из всех пушкинских творений едва ли не самое загадочное – «Сказка о золотом петушке». Даже происхождение ее сюжета долгое время оставалось загадкой. Напрасно было бы искать среди богатейшего разноцветья народных сказок такую, которая хотя бы отдаленно напоминала написанную Пушкиным. И хотя, как и положено в русских сказках, действие ее происходит

Негде, в тридевятом царстве,
В тридесятом государстве,

а среди ее героев есть и царь, и его сыновья-царевичи, других ее персонажей – мудреца-кудесника звездочета, и таинственную обительницу шелкового шатра Шамаханскую царицу – скорее можно было бы встретить в своде восточных сказок «Тысячи и одной ночи». Однако и там мы не найдем мотивов, которые указывали бы на связь с небылицей о золотом петушке.

Только столетие спустя после создания пушкинской сказки удалось установить источник ее сюжета. Это посчастливилось сделать Анне Ахматовой. Оказывается, в основу своей небылицы Пушкин положил «Легенду об арабском звездочете» своего современника – американского писателя Вашингтона Ирвинга (1783–1859), вошедшую в его книгу «Альгамбра». Так звучно и красиво назывался старинный замок – крепость-дворец в испанском городе Гранаде, воздвигнутый в XIII – XIV веках, когда в стране властвовали мавры. Спустя столетия Ирвинг, путешествуя по Испании и описывая странствия в своей книге, включил в нее и связанные с замком Альгамброй древние предания. Изданная в 1832 году на французском языке в Париже, эта книга была в пушкинской библиотеке.

Герой легенды – мавританский султан Абен-Габуз провел жизнь в нападениях на соседние государства, а состарившись и одряхлев, возжаждал покоя. Однако столь желанного отдыха ему получить не удалось – теперь уже правители сопредельных стран нападали на него. На помощь султану пришел арабский звездочет, много странствовавший по свету и видевший в Египте чудо, о котором он и поведал престарелому владыке. На горе, возвышающейся над неким городом, стоит баран, а на нем петушок – оба из литой меди – и вращаются на одной оси. Всякий раз, когда городу угрожает опасность, баран поворачивается в сторону неприятеля, петушок кричит, предупреждая жителей об опасности и указывая, откуда она грозит. А для султана астролог изготавливает волшебного медного всадника, указывающего своим копьём в сторону приближающегося вражеского войска. Султан одерживает много побед, но затем сам терпит поражение, оказавшись во власти чар прекрасной готской принцессы, из-за которой и возникает у него спор со звездочетом...

Как выяснилось позднее, в основу изложенной Ирвингом арабской легенды легли предания о великом древнеримском поэте Вергилии, за которым молва упрочила славу мага и чародея. Легенды гласят, что Вергилий воздвиг в Риме роскошный дворец, где были установлены статуи, олицетворявшие все области, подвластные Риму, каждая с деревянным колоколом в руке. Когда в какой-нибудь из областей возникало возмущение, тотчас соответствующая статуя начинала звонить в колокол. Тогда же на вершине дворца появлялся медный всадник и, потрясая копьём, оборачивался в ту сторону, откуда грозила беда...

Богатейшая фантазия Пушкина искусно преобразила старинные легенды, создавая лукавую и причудливую небылицу о золотом петушке. Ее главным персонажем вместо мавританского султана сделался царь Дадон. Не случайно поэт назвал царя этим именем: слово «дадон» означает «неуклюжий, нескладный, несуразный человек»; оно встречается в народной речи и

вошло в «Толковый словарь» В.И. Даля. Дадонем назвал Пушкин и злого, жестокого царя-деспота в сказочной поэме «Бова», написанной им еще в лицее:

Царь Дадон со славой царствовал
В Светомире, славном городе.
Царь Дадон венец со скипетром
Не прямой достал дорогою,
Но убив царя законного.

В «Сказке о золотом петушке» царь Дадон изображен ярко и колоритно. Саркастически именуемый «славным», а на деле ленивый и скудоумный, он проводит все время в сладостной дремоте, а с подданными разговаривает зевая.

Монарх, дремлющий на троне! Подобный сатирический образ встречается порой в произведениях русской литературы на рубеже XVIII и XIX столетий.

Но есть безумцы и средь трона:
Сидят и царствуют дремля, —

писал Г.Р. Державин в первоначальной редакции оды «Властителям и судиям».

В «Путешествии из Петербурга в Москву» А.Н. Радищев с негодованием вывел на суд потомков самодержца, зевающего на троне, описанном в аллегорическом сне. А сатирик начала XIX века С.Н. Марин написал басню «Трон и постеля», которая завершается многозначительной строкой:

Но часто трон царям постелею бывает.

Самый загадочный из всех персонажей пушкинской сказки – Шамаханская царица. Почему именно так назвал свою героиню поэт?

Шамаха или Шемаха – древний город в современном Азербайджане, в прошлом столица Ширванского государства, а затем Шемаханского ханства. Издавна Шемаха славилась производством шелка. Современником ее присоединения к России в 1820 году был Пушкин. Однако, как полагают литературоведы, наименование восточной красавицы могло быть подсказано ему и другим источником.

Незадолго до создания «Сказки о золотом петушке» Пушкин получил от другого поэта, Павла Катенина, только что вышедшую из печати сказочную поэму последнего «Княжна Милуша», в которой мы встречаем и царицу Шемахи. Герой поэмы – русский витязь Всеслав, странствуя подобно пушкинскому Руслану в поисках своей невесты, также похищенной во время брачного пира колдуньей, помогает воинственной красавице Зюльфуре обрести законную власть над Шамаханским царством.

...Как мы убедились, все персонажи пушкинской небылицы имели своих предшественников. Но где же найти прототип ее заглавного «героя» – золотого петушка? В «Легенде об арабском звездочете» Ирвинга упомянут петушок, но не золотой, а медный. А в русских народных сказках встречаются золотые и конь, и свинка, и котик – только не петушок.

Золотого петуха мы находим в основательно забытой сказочной повести немецкого писателя последней четверти XVIII столетия Фридриха Максимилиана Клингера (1752–1831). В молодости бывший другом Гете, он переселился в 1780 году в Россию и стался в ней навсегда. Уже в XIX веке с ним были знакомы Н.М. Карамзин, И.И. Дмитриев, В.А. Жуковский, А.И. Тургенев, П.А. Вяземский. Лицейский друг Пушкина В.К. Кюхельбекер, путешествуя в 1820 году по Европе, привез Гете письмо от Клингера.

Как предположил академик М.П. Алексеев, Пушкин, знакомый с произведениями Клингера, мог знать и его «Историю о золотом петухе». Она была написана в 1783 году, вскоре после переезда автора в Россию. В некоей сказочной стране трон занимал бездумный и ленивый король; управляли же государством придворные во главе с властной и капризной королевой. Однако страна процветала, поскольку государыня имела своего покровителя – золотого петуха. Для него в королевском дворце были отведены покои, охраняемые стражей. Никто не видел этого петуха, но все знали о нем – защитнике королевства от внешних и внутренних врагов.

Перья у петуха были золотые, гребешок красный, а лапки серебряные. Один лишь недостаток портил его красоту – огромное перо мышинного цвета спускалось с гребня на клюв. От этого пера и зависело благополучие страны. Не ведая об этом, дочь короля юная принцесса Роза и влюбленный в нее паж проникают в дворцовые покои, где находился петух, и похищают его перо. Это открывает дорогу в королевство чужестранным завоевателям...

Неизвестно, как бы сложилась судьба Дадонова государства и самого царя Дадона, если бы на помощь к нему не пришел кудесник-звездочет, подаривший ему верного стража – волшебного золотого петушка. И теперь Дадон может упиваться покоем, отдыхая от ратных дел и повседневных забот, повелевать, возлежа на пуховой перине. Исполнилось его заветное желание, воплотившееся в крике петушка:

Царствуй, лежа на боку!

И невдомек скудоумному царю, что в этом возгласе кроется злая насмешка над ним – ведь петушок кричит так вовсе не тогда, когда безмятежие ничем не нарушается, а как раз тогда, когда желанному спокойствию угрожает опасность, и обленившийся властитель поневоле должен пробуждаться от сладостной дремоты и выполнять указания золотого петушка – ставленника кудесника, по существу говоря, осуществлять повеления мудреца.

В благодарность царь обещает звездочету исполнить первое же его желание как свое собственное. Обещание действительно щедрое: ведь до сих пор Дадон не выполнял ничьих желаний – напротив, выполнялись только его прихоти!

Однако недолго довелось царю наслаждаться покоем. Однажды войско во главе со старшим сыном, устремившееся по зову петушка на восток, навстречу неведомому противнику, бесследно исчезает:

Вот проходит восемь дней,
А от войска нет вестей:
Было ль, не было ль сраженья, —
Нет Дадону донесенья.

Вновь кричит петушок, и встревоженный царь посылает на восток новую рать, возглавляемую теперь уже младшим сыном:

Сына он теперь меньшого
Шлет на выручку большого.
Петушок опять утих.
Снова вести нет от них,
Снова восемь дней проходят...

Когда в третий раз верный страж призывает Дадона царствовать, лежа на боку, царь вынужден расстаться с пуховой постелью и сам вести рать на выручку сыновьям:

Войска идут день и ночь,
Им становится невмочь.
Ни побоища, ни стана,
Ни надгробного кургана
Не встречает царь Дадон.
«Что за чудо?» – мыслит он.
Вот осьмой уж день проходит...

Восемь дней идут навстречу неведомой опасности войска Дадоновых сыновей и самого царя Дадона. Трижды повторяется в сказке число восемь, обретая какое-то особенное, таинственное значение...

Долгое время для пушкинистов был загадкой найденный среди бумаг поэта незавершенный стихотворный фрагмент, представлявший собой очаровательную поэтическую мини-атюру:

Царь увидел пред собою
Столик с шахматной доскою.
Вот на шахматную доску
Рать солдатиков из воску
Он поставил в стройный ряд.
Грозно куколки сидят,
Подбоченясь на лошадках,
В коленкоровых перчатках,
В оперенных шишачках,
С палашами на плечах.

Анна Ахматова установила, что этот незавершенный отрывок должен был войти в «Сказку о золотом петушке». Он напоминает один из эпизодов «Легенды об арабском звездочете» Ирвинга, в котором султан увидел шахматную доску с фигурками – магическими изображениями вражеских воинов. При прикосновении волшебного жезла они или обращались в бегство, или начинали сражаться друг с другом. То же самое происходило и наяву с вражеским войском.

Пушкин отказался от этого эпизода в своей сказке: он слишком усложнял ее сюжет. Однако «шахматный» мотив в небылице все же остался. Как установил пушкинист В.С. Непомнящий, восемь дней походов царя Дадона и его сыновей – это восемь шахматных клеток – такова протяженность шахматной доски, на которой разворачивается сражение. И не подозревает Дадон, что он всего лишь фигурка в шахматной партии, искусно разыгранный звездочетом и Шамаханской царицей.

Движимый волей мудреца, царь вместе с войском повторяет путь пропавших сыновей, чтобы найти их убитыми возле таинственного шатра, скрытого в горном ущелье. Пространство возле шатра сделалось полем битвы, в которой погибли и оба царевича, и все их ратники.

Вдруг шатер
Распахнулся... и девица
Шамаханская царица,
Вся сияя, как заря,
Тихо встретила царя.

Таинственная обительница шелкового шатра внезапно появляется перед изумленным Дадонем. Лицом к лицу встречается царь Дадон с Шамаханской царицей, даже не подозревая, что она и есть тот враг, против которого направлял его с войском золотой петушок. Оружие лучезарной незнакомки – ее ослепительная красота. Ранее она пленила своими чарами обоих царевичей, заставив их в братоубийственном поединке поразить друг друга, а теперь легко покоряет самого Дадона:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.